

МКУК «Щучанская МЦБ»

Михаил Каргапольцев

**Двести
дней на
ВОЛГЕ**

Записки политработника

*В Щучанском районе хорошо известно имя **Михаила Ивановича Каргапольцева**. Значительное место в его биографии отводится военному периоду. В 1941 году он на Западном фронте был политруком батареи, в 1942-м под Сталинградом – комиссаром артдивизиона, в 1943 году – на Курской дуге – парторгом полка. Вместе со своим полком освобождал Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию. Войну закончил заместителем командира артполка по политчасти в звании майора.*

За выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, проявленное мужество и стойкость в боях, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «Отечественной войны II степени» и медалью «За оборону Сталинграда».

После демобилизации в 1947 году более 25 лет работал в правоохранительных органах Курганской области. Последние десять лет трудился юрисконсультom управления сельского хозяйства.

Артиллерийское подразделение, в котором служил М. И. Каргапольцев, прошло нелегкий, но славный боевой путь от Волги до Балкан.

*Воспоминания «**Двести дней на Волге**» М. И. Каргапольцева посвящены героизму и мужеству однополчан-артиллеристов, которые грудью встали на защиту Сталинграда. Это одна из самых ярких страниц Великой Отечественной войны.*

В «записках политработника» автор использовал архивные документы и воспоминания фронтовых товарищей – солдат, сержантов, офицеров.

Двести дней на Волге

Записки политработника

Накануне больших сражений

Артиллерийский полк стрелковой дивизии, в состав которого входил наш второй дивизион, формировался и проходил военную подготовку в глубокой Сибири, в одном из совхозных поселков вблизи от железнодорожной станции зимой 1942 года.

Помню, станция и ее окрестности тогда почти не освещались, если не считать фонарей на железнодорожных стрелках, да керосиновой копилки в здании деревянного одноэтажного вокзала. В комнате дежурного коменданта я познакомился с двумя артиллерийскими офицерами лейтенантами В.И. Розовым и В.П. Печкиным, прибывшими в полк этим же поездом, что и я.

Хотя полк, в который мы прибыли, и находился недалеко, но нам в предутреннюю пургу довелось долго до него добираться. Штаб полка размещался в деревянном приземистом здании бывшей сельской школы.

Утром командование пригласило нас на беседу. Командир части майор Николаев и комиссар полка Брусиловский были кадровыми офицерами, уже побывавшими на фронтах Отечественной войны, замечательные артиллеристы и требовательные командиры. После того, как я доложил о себе и предъявил предписание штаба военного округа о своем назначении комиссаром дивизиона, мне было предложено, кратко рассказать о себе. Моя биография к тому времени была короткой. Рассказал о том, что уроженец Челябинской (ныне Курганской) области, незадолго до войны окончил курс военно-политического училища. В первые дни войны в составе Уральской стрелковой дивизии воевал на Западном фронте, там же получил ранения и после излечения прибыл в этот вновь формируемый артиллерийский полк.

Вскоре командир ушел, оставив нас с комиссаром. В беседе он меня подробно посвятил в вопросы формирования, а затем дал подробные указания по поводу предстоящей партийно-политической работы в дивизионе. Познакомился я с командиром второго дивизиона, с которым нам и довелось совместно готовить подразделение к предстоящим боям. Это Алексей Николаевич Горин, капитан, кадровый командир, уже побывавший на фронтах Великой Отечественной войны. По складу – волевой, немногословный, в боях храбр, о чем расскажу особо.

Дивизион к концу января 1942 года был в основном укомплектован рядовым, сержантским и офицерским составом. Пополнение мы получили за счет резервистов. До сих пор я хорошо помню курганцев – Курбатовых, Антоновых, Кочергиных, Семеновых. С некоторыми из них и сейчас имею тесную связь. Так, например, вел переписку, пока он был жив, с Филиппом Васильевичем

Семеновым – бывшим командиром орудия, работающим после войны заведующим животноводческой фермой одного из колхозов Мишкинского района нашей области, и другими однополчанами, строгими, дисциплинированными сибиряками.

Чувствовалось, что командиры батарей, взводов и политработники нашего дивизиона, хотя и не были кадровыми офицерами и в боях еще не участвовали, подобраны удачно. Эти молодые люди получили хорошую военную подготовку и чувствовали себя на своем месте. Я назову имена трех лейтенантов, прибывших к нам после окончания артиллерийского училища, бывших студентов Свердловского политехнического института комсомольцев Н. А. Аникина, А. И. Фортова и В. М. Верника. Рослые, широкоплечие, неплохо знающие артиллерийское дело, они с первых дней службы с большим чувством ответственности взялись за подготовку солдат и сержантов в своих подразделениях.

Артиллерийская техника сложна, надо уметь ею управлять и умело использовать в бою. На подготовку людей давались сжатые сроки и поэтому на нас, командиров и политработников, возлагалась большая ответственность за своевременное обучение боевых расчетов, огневых взводов, разведывательных и других подразделений. Днем и ночью в батареях, где командирами в то время были офицеры В. И. Розов, Л. Т. Лелюх и Н. А. Аникин, кипела боевая и политическая подготовка. Бойцы и командиры упорно овладевали техникой, совершенствовали свое мастерство, изучали методы борьбы с вражескими танками.

Политработники батарей И. И. Чернов, М. К. Слабодян, Ф. К. Великжанин уже до войны имели замечательную рабочую биографию. Первый работал шофером Московского таксомоторного парка, обладал высоким тактом, был заботливым и задушевным человеком. Второй – учитель сельской школы. Третий – кузнец Горьковского автомобильного завода, уже тогда имеющий награду орден Трудового красного Знамени за ударную работу, прекрасный наставник. Все они были молодыми коммунистами и по зову партии пришли в армию на политработу. В те напряженные дни формирования дивизиона мы делали большую работу по формированию личного состава. Одновременно много прилагалось усилий по расстановке в подразделениях партийно-комсомольских сил. В свободное от занятий время проводили собрания, политинформации, обсуждали задачи боевой подготовки. Часто вовлекали солдат и сержантов, принимавших участие в боевых действиях, в беседование с новичками, еще не нюхавшими пороха.

В марте 1942 года к нам прибыли десять медсестер добровольцев. Девчата получили специальность на «гражданке» без отрыва от производства. Из этой десятки к нам в дивизион были направлены санинструкторами комсомолки Аня Павлюк, Аня Квардакова и Надя Жирякова. Они с первых дней на новом месте

проявили немало смекалки и находчивости. Дело в том, что офицерский состав располагался в поселке на частных квартирах, порой где не соблюдались санитарно-гигиенические нормы. А солдаты и сержанты находились еще в более худших жилищных условиях. Проживали они в сельском клубе, приспособленном под казарму. Было тесно, постелью служили камышитовые коврики и байковые одеяла. От железных печек и керосиновых ламп – копоть, смрад. Наши санинструкторы немало приложили сил и старания по наведению санитарно-гигиенического порядка. Девушки круглосуточно дежурили в дивизионе. Они следили за санитарным состоянием жилых помещений и пищеблока. Ежедневно проводили медосмотр людей и т. п. Все это позволило избежать инфекционных и других заболеваний среди солдат, сержантов и офицеров.

В дни формирования дивизиона командно-политическим составом многое делалось не только для обучения военному делу личного состава, но и тщательно мы готовили лошадей. И вот почему. Высокую маневренность легкой артиллерии в первые годы войны обеспечивала лошадь, являясь главной тягловой силой для 76-миллиметровых пушек и 122-миллиметровых гаубиц. А прежде чем лошадку отправить на фронт, ее надо было обучить ходить в паре и упряжке, под седлом, спокойно перевозить людей, пушки, снаряды и кухни под огнем вражеской авиации, под грохот пушек и дикий вой сирен немецких стервятников.

В феврале 1942 года в дивизион доставили более 60 необъезженных лошадей. Весь этот табун надо было не только привести в порядок, но обучить и объездить, научить людей верховой езде. И с этой задачей артиллеристы справились. Главная заслуга в этом деле принадлежит заместителю командира дивизиона по строевой части старшему лейтенанту Владимиру Ульяновичу Бутырину. Он был, как говорится, от рождения специалистом по конному делу.

Самым трудным было обучение людей верховой езде. Немногие изъявили желание по три-четыре часа в день сидеть на лошади без седла. Непросто сидеть, а ездить трусцой, рысью или галопом. Тем более приходилось делать сложные виражи. А такую тренировку в дивизионе проходили все от писаря до командира подразделения.

Однажды во время занятий по конной езде произошел довольно неприятный случай. Над территорией поселка, пролетел самолет на низкой высоте. Это явилось неожиданностью для людей и лошадей. А одна лошадь, на которой чудом удержался воентехник младший лейтенант, если память не изменяет, Ланцев, ринулась в сторону железной дороги к оврагу. Мы все обомлели: лошадь галопом неслась под железнодорожный мост, а всадник болтался на ней, как мешок с опилом. Надвигалась катастрофа, но вдруг перед небольшим оврагом лошадь резко повернула влево. Ланцева как не бывало в седле. Он полетел в сугроб, лошадь, вздыбившись перед железнодорожной насыпью, остановилась.

Все обошлось хорошо. Но этот случай показал, что может произойти, когда лошадь и ездовой плохо обучены. Но наши ездовые, получив основательную подготовку по конной езде. В первых же боях, в донских степях и на подступах к Сталинграду, умело управляли упряжками, маневрируя между взрывами бомб и снарядов. Быстро и без страха перевозили пушки с одного рубежа на другой. Расторопность и мужество ездовых, подвозчиков снарядов способствовали орудийным расчетам на новых огневых позициях быстро разворачиваться и вести ураганный огонь по наступающим танкам, пехоте и умело громить врага.

Подготовка дивизиона в основном была к концу марта закончена. Укомплектованы орудийные расчеты, огневые взводы, пушечные и гаубичные батареи, топографическое отделение, взвод управления, связи, боепитания и службы материально-технического обеспечения. Весь личный состав подразделения, начитывающий около 200 человек, был обучен артиллерийскому делу и требовалась лишь проверка по тактике и боевым стрельбам. Это мероприятие высшее командование планировало провести в прифронтовой полосе с получением новой артиллерийской техники. Все, от рядового солдата и до командира, с нетерпением ждали отъезда на фронт. И каждый про себя думал, куда нас забросит военная судьба: под Москву или Ленинград, под Ржев или Харьков. Сталинградского направления еще не было.

Наш воинский эшелон, покинув Сибирь, двинулся на Запад. У всех был высокий душевный подъем. Почти везде зеленая улица для нашего эшелона и других, которые двигались на Запад. Задержка в пути была, когда пропускали санитарные поезда на Восток. Смотреть на эту картину было тяжело. Передислоцировав к новому месту назначения ближе к фронту, мы вскоре получили гаубицы и пушки нового образца. Бойцы и офицеры овладевали новой сложной артиллерийской техникой, совершенствовали мастерство, изучали методы борьбы с вражескими танками. Особенно много проводилось тренировок стрельбы по движущимся целям. Уже на первых тактических учениях с боевыми стрельбами наши батареи и дивизион в целом показали слаженность и не плохую огневую выучку. Много было приложено физических усилий на отработку навыков по установке орудий для стрельбы с закрытых позиций и прямой наводкой. Люди учились зарывать в землю пушки и лошадей, делали щели и траншеи для орудийных расчетов.

Надо отдать должное командирам и политработникам дивизиона, партийной и комсомольской организациям нашего подразделения в том, что они повседневно закаляли высокий моральный дух и готовность всего личного состава к подвигу.

На одном из митингов наводчик орудийного расчета ефрейтор комсомолец Вася Хорошилов четко выразил в своем выступлении общее настроение личного состава: «Мы с вами будем сражаться с сильным и коварным врагом. От нас потребуется, кроме мужества и стойкости, умение бить фашистов. Хотя в учебе

нам и трудно, зато будет легче бить захватчиков. Перед лицом однополчан я клянусь достойно свой долг перед Родиной, не пожалею сил и даже своей жизни ради победы». Действительно, в Сталинграде Хорошилов, со своим оружием находясь в 200 метрах от Волги, в упор расстреливал фашистов и не покинул свои позиции.

Во второй половине июля поздно вечером наш полк был поднят по тревоге. Поэтому за несколько часов наш артиллерийский полк в полном составе с пушками, гаубицами, лошадьми, боеприпасами, оружием, продуктами был погружен в товарные вагоны и подготовлен к отправке на фронт.

Двигались быстро. У всех было приподнятое настроение. Каждый желал скорее попасть на передовую. Сибиряки по своему складу характера не слишком разговорчивый народ. Но на этот раз во всех вагонах шел оживленный разговор. Люди шутили, смеялись. Бывалые в переплетах солдаты рассказывали поучительные и довольно смешные истории. Был у нас в дивизионе весельчак-музыкант – сержант Гена Рубан. Он в эти дни, не расставаясь с гитарой, пел шуточные частушки или песни. Люди с полным удовлетворением принимали его самодеятельный концерт.

Конечно, не все было гладко в нашей работе, когда мы находились на формировании и занимались боевой подготовкой. К сожалению, тогда находились такие люди, которые отмахивались от глубокого изучения военного дела и оружия. Допускали верхоглядство. Например, у нас в дивизионе были два офицера – ветврач и химик, которые, очевидно, рассчитывали, что они на войне будут только заниматься своим делом: один лечить лошадей, а другой хранить противохимическое оружие. Но война оказалась серьезным экзаменатором. Она не проходила мимо и жестоко расправлялась со всеми – в первую очередь с теми. Кто не мог защитить себя и своего товарища. Когда подъезжали к фронту, запахло порохом, тогда ветеринарный врач и химик, к сожалению, их имен не помню, решили заниматься изучением боевого оружия. Кстати, мы уже тогда имели при себе личное боевое оружие: карабины и гранаты. Во время изучения этого боевого оружия в вагоне произошло происшествие, в результате которого два ни в чем не повинных человека получили серьезные ранения. Причиной тому было то, что ветеринар, вынув чеку взрывателя гранаты «Лимонка», пытался вставить ее обратно. Ему не удалось, а услышав зловещий щелчок, он ее выбросил из вагона и попал в прохожих. Это происшествие было серьезным уроком для нас всех.

На дальних подступах

Наш воинский эшелон прибыл на разъезд недалеко от Сталинграда ранним июльским утром 1942 года. Не успели еще оглядеться и приступить к выгрузке, как была поднята тревога «Воздух!» «Воздух!» Все в укрытие!», хотя здесь, на маленьком полустанке, забитым военными эшелонами, никаких укрытий не было. Однако все бежали подальше от вагонов в степь и там залегли, плотно прижавшись к земле. Это была уже не учебная, а боевая тревога.

Как сейчас помню, «Юнкеры» заходили со стороны восхода солнца гуськом на скопившиеся на разъезде поезда с военными грузами. Началась бомбардировка и обстреливание зажигательными пулями вагонов, людей. Зенитчики, охранявшие разъезд, открыли ураганный огонь по самолетам, помешали им вести прицельную бомбежку, поэтому потери были невелики.

Выгрузка военной техники, лошадей и транспортных средств была ускорена. Заместитель командира дивизиона В. У. Бутырин, который руководил этим, поторапливал людей. Во время разгрузки мы с командиром дивизиона капитаном А. Н. Гориним были вызваны к представителю штаба нашей стрелковой дивизии за получением маршрута движения, который в то время находился в небольшом здании вокзала. Это был пожилой майор среднего роста. Ответив на наше приветствие, он предложил А. Н. Горину развернуть боевую карту и нанести маршрут движения к линии фронта. Словно в подтверждение сказанному далеко на Западе раздался глухой гул артиллерийской канонады, авиационной бомбежки.

В те июльские дни шли ожесточенные бои в донских степях на реке Чир. Чтобы преградить путь немецким войскам на Сталинград, 12 июля ставкой Верховного главнокомандования был создан новый – Сталинградский фронт. Поэтому нашему автополку, как и другим подразделениям дивизии, было приказано двигаться своим ходом к Дону и западному берегу реки и преградить путь фашистским захватчикам.

Приближались к Дону. Все сильнее и сильнее нарастал грохот боя. И на Западе четко вырисовывалось зарево пожарищ оружейных выстрелов. Все чаще в небе на большой высоте стал появляться вражеский самолет-разведчик «Фокке-Вульф», именуемый нашими солдатами «Рама». Необычайно красивая здесь донская степь притихла, не видно краснокрылых бабочек, не слышно трели жаворонков и свиста сусликов. Степь приуныла. Все говорило о приближении передовой. Бойцы и командиры подтянулись, их лица заметно посуровели.

Дивизион к месту своего назначения прибыл в район хутора Луговского на Дону где-то 24 или 25 июля. На этом участке действовало две переправы. Одна возле хутора по железнодорожному мосту Ростов-Сталинград, другая – вниз по реке в районе станицы Нижне-Чирской по наплывному мосту. По приказу командования наше артиллерийское подразделение было переправлено по понтонному мосту и размещено в лесных зарослях междуречья Дона и его притока речушки Чир. Нас отделяло от большой, раскинувшейся по берегу станицы Нижне-Чирская стена высокого и густого камыша и речушка.

На этом большом привале политруки батареи Михаил Слободян, Иван Чернов и Федор Великжанин накоротке побатарейно провели совместное партийно-комсомольское собрание. Шел серьезный разговор о предстоящих боях в здешних сложных степных условиях с сильным врагом. В вечерних сумерках командир дивизиона А. Н. Горин, начальник разведки В. М. Верник, командиры

батареи В. И. Розов, Л. Т. Лелюх и Н. А. Аникин вместе с представителями штаба полка и дивизии выехали верхом на лошадях на передовые позиции для рекогносцировки местности, где предстояло артиллеристам занять огневые рубежи. Эту работу они должны провести рано утром следующего дня, не показывая никаких признаков своего присутствия. Немцы днем бомбили занимаемую нами рошу и заросли камыша. Но они делали это бесприцельно.

Стрелковая дивизия под командованием полковника И. П. Сологуба, в состав которой входил и наш артполк, занимала оборону севернее линии железной дороги Ростов-Сталинград, которая тянулась от разъезда Рычковского до станции Сурувикино вдоль линии по фронту до 20 километров – практически была растянута в ниточку. Немцы как раз в этом направлении и сосредоточили крупный кулак пехотных и танковых дивизий, которые чувствуя близость Сталинграда, готовы были броситься в любую минуту на наши позиции и смять сибирские полки.

Поэтому пришлось в эту тревожную ночь при отблеске немецких осветительных ракет и фонарей вкапываться в землю. Местность была равнинной, лишенной каких-либо естественных укрытий.

Как сейчас помню, батареи были размещены в шахматном порядке, одна от другой на расстоянии в пятьсот метров. В середине находилась гаубичная батарея лейтенанта Н. А. Аникина, которая размещалась в посевах ржи в двух-трех километрах от переднего края пехоты. Левее, возле разъезда Рычковского, стояла на прямой наводке пушечная батарея лейтенанта Л. Т. Лелюха. Впереди и правее гаубичной батареи вкопалась в боевых порядках пехоты четвертая пушечная батарея комбата В. И. Розова. Хотя открытый характер местности и затруднил маскировку, но благодаря хорошо проведенной накануне рекогносцировки местности. Были выбраны неплохие огневые рубежи. Используя различные складки местности и посева, орудия не только были вкопаны, но и неплохо замаскированы.

Пришлось артиллеристам в эту ночь без усталости копать в твердой земле, как камень, укрытия для орудий и огневых расчетов. Ездовые, отведя свои упряжки лошадей на расстоянии 800-1000 метров от огневых взводов, также вкапывались в землю и маскировались в посевах кукурузы. Артиллерийские разведчики, топографисты и связисты, прихватив с собой стереотрубы, топографические приборы и телефонные аппараты (в те дни у нас в полку была только проводная связь) уходили в боевые порядки стрелковых батальонов, где, выдвигаясь вперед, приспособившись к местности. Рыли на наблюдательном пункте щели и ровики. И только перед утром людям нашего дивизиона было разрешено вздремнуть. Утомленные работой солдаты быстро заснули. Только часовые да дежурные офицеры, преодолевая сон, громко зевая, осматривались вокруг. А в это время осветительные ракеты одна за другой взлетали вверх, давали отблеск над затихшими огневыми рубежами наших батарей.

В эту тревожную ночь лишь артиллерийские разведчики дивизиона лейтенанта В. М. Верника сержанты Г. Рубан, К. Биряев и Курбатов из Курганской области, которые получили задачу, как можно ближе продвинуться к немецким позициям – зарыться в землю, замаскироваться и вести тщательное наблюдение за передвижением в стане врага. За его огневыми точками, сосредоточением танков и скоплением пехоты. Посылая ночью разведчиков к переднему краю немецких позиций. Имелось в виду хотя бы на слух определить, что делает противник, какие ведет приготовления к предстоящему сражению. Ночная разведка и утреннее наблюдение дали возможность точно установить, что вражеский танковый кулак сосредотачивался в районе станции Новомаксимовская на соседнем с нами участке фронта. Вот так изо дня в день артиллерийские разведчики в донских степях, рискуя каждый раз попасть в лапы фашистов, находясь возле их позиций, выслушивали, высматривали, что делается в стане врага и давали в руки командира дивизиона ценные сведения. Практически это способствовало нам безошибочно обрушивать огонь на тайные места сосредоточения вражеских войск и поднимать в воздух его минометные батареи.

На утро все батареи были подняты по тревоге, все бежали по своим местам. А в это время уже появился над нашими позициями самолет-разведчик «Фокке-Вульф», который, словно коршун, паря в небе, с высоты высматривал свою жертву. На земле мы прекратили всякое движение, как бы притаились. И не потому, что он страшен, и мы боялись, а потому, что в те суровые дни в целях маскировки своих боевых порядков запрещалось во время полетов разведывательных самолетов противника всякого рода передвижения и стрельбы по ним. А когда этот стервятник убрался, наши люди снова продолжали заниматься своим делом. Кто-то из бывалых обстрелянных бойцов сказал: «Ну, братцы, жди теперь «музыкантов». На фронте фашистских бомбардировщиков «Юнкерс», которые при входе с пике на объекты бомбометания для устрашения включали воющие сирены. За это их и прозвали «музыкантами». Хотя, откровенно говоря, под их душераздирающую музыку не плясать, а бежать хотелось. Нередко от дикого воя сирен у людей появлялось такое ощущение, словно в животе переворачиваются внутренности.

Мне не раз приходилось видеть на Сталинградском фронте молодых, еще не обстрелянных солдат. Которые при виде «музыкантов» спешили забиваться в щели. Но со временем все привыкали к таким концертам. Действительно, как и предсказывали опытные солдаты, вскоре появилась над нами штурмующая немецкая авиация и начала бомбить передний край и огневые позиции. К сожалению, в те дни на Дону нашей авиации почти не было, и с воздуха мы ничем не защищались. Поэтому фашистские самолеты «Юнкерсы» и «Мессершмидты» как бешеные носились над землей, огнем таранили наши окопы и артпозиции. К нашему счастью, в эти утренние часы боя огневые рубежи дивизиона не пострадали и были способны бить немецкие танки. Кстати, как только ушли самолеты, мы слышали гул фашистских танков. Двигались они с юго-запада, в

направлении нашей обороны по всему фронту, насколько мог видеть глаз. Приближались к нам черные бронированные танки с белыми крестами на башнях. Словно призраки, скрываясь за дымовой пеленой и фонтаном взрывов, то вновь появлялись перед нашим взором. Застучали орудийные замки, задвигались хоботы орудий наших батарей. Орудийные расчеты торопливо подносили из ящиков снаряды. «Готово!» - докладывали один за другим командиры орудий. А в это время уже отчетливо были видны приближающиеся в промежутке разъездов Рычковский и Новомаксимовский немецкие танки, которые метались по степи, тычась своей броней в наши рубежи. Но стоящие впереди стрелковые батальоны под прикрытием артиллерийского огня из невидимых окопов забрасывали прорвавшиеся к переднему краю танки бутылками с горючей смесью, противотанковыми гранатами и расстреливались из противотанковых орудий.

А на соседнем участке справа, куда сунулась большая группа танков, была встречена ураганным огнем истребительного артиллерийского дивизиона. Повсюду, на всем участке фронта горели танки и самоходные орудия. Немецкие автоматчики, видя сплошной огонь, прижались к земле. Встретив здесь столь сильный отпор, фашисты перенесли свой удар в центр нашего дивизиона. Танки подходили к наблюдательному пункту командира дивизиона А. К. Горина и к окопам пехоты. Были хорошо различимы не только все узлы приземистых, тупорылых чудовищ, но и лица поспешно бегущих за танками автоматчиков. Находящийся здесь на НП командир гаубичной батареи Н. А. Аникин быстро и хорошо подготовил расчеты и тут же передал командиру на свою батарею. Артиллеристы открыли ураганный огонь по танкам и пехоте. От взрывов тяжелых снарядов не только сметало фашистов, но и корежило броню. И на этом участке не удалось врагу вклиниться в нашу оборону. Немецкая атака захлебнулась.

Однако радоваться было рано. Не успев еще отразить бешеную атаку врага, как тут же в воздухе снова появилась их бомбардировочная авиация, которая начала ожесточенную бомбежку наших батарей. Все вокруг нас горело и бушевало, а самолеты продолжали бомбить и бомбить. Несколько бомб взорвалось возле НП. Взрывная волна отбросила А. Н. Горина к стенке окопа. Он упал лицом в угол и оказался присыпанным землей, я быстро его откопал. Связь с батареями прервалась. Казалось, этой проклятой карусели не будет конца. Но вот в воздухе и на земле все затихло. И мы пришли в себя, усилили наблюдение за противником и занялись связью. Командир взвода связи младший лейтенант Герасименко был деловым и беспокойным человеком. Он, не дожидаясь, когда осядет дым и пыль, пошел на восстановление кабельной линии, прихватив с собой связистов. Однако, пока отсутствовала проводная связь, Герасименко организовал живую связь НП с огневыми взводами, т. е. цепочкой. Обстановка была настолько напряжена, что артиллерийская поддержка нужна стрелковым батальонам каждую минуту. Но вскоре была восстановлена телефонная связь.

После ожесточенной бомбардировки наших рубежей немцы, как всегда, открыли ураганный артиллерийский огонь, а за огненным валом снова шла армада

танков в сопровождении густых цепей автоматчиков. В разгар развернувшихся здесь боев мне довелось быть на огневых взводах гаубичной батареи, которыми командовал лейтенант А. И. Фортов. Нельзя было без восхищения смотреть на спокойно и ловко работающих возле орудий здоровых, опытных с суровыми лицами сибиряков. Хорошо помню, как кто-то из них сказал: «Да, драка будет в этот раз жаркой».

Танковая атака врага, грохот разрывов в те минуты заглушили разговоры. Нам с огневых позиций уже хорошо были видны идущие впереди немецкие танки и цепи автоматчиков. В это время с наблюдательного пункта командира дивизиона раздалась команда: «гаубичной батарее открыть шрапнелью беглый огонь по немецкой пехоте!» Имелось в виду отсечь ее от своих танков, а пушечным батареям, подпустив поближе машины на прицельный огонь, расстрелять их бронебойными, зажигательными снарядами. Вскоре наши наблюдатели сообщили на огневые позиции батареи, что увесистые гаубичные снаряды рвутся в гуще немецкой пехоты, разметали их цепи, фашисты залегли, танки горят, как свечи. На поле боя стоял столбом сплошной дым, смрад и пыль. Однако уцелевшие танки двинулись по полю. Вот уже врезались в боевые порядки нашей пехоты. Солдат Радюшкин, находившийся у правой гаубицы, заметил, что два приземистых, с короткими стволами и большими черными крестами, обведенные белой краской, танка заходят в тыл батареи. По команде лейтенанта А. И. Фортова были развернуты две гаубицы на 90 градусов вправо и командиры орудий Горанов и Васильчиков, хотя и был у них плохой обзор, открыли огонь по прорвавшимся танкам и заставили повернуть назад. А в это время стоящие на правом фланге пушки четвертой батареи расправились с фашистами.

Танковая атака в этот раз долго не прекращалась. То в одном, то в другом месте они появлялись перед боевыми порядками нашей пехоты. Это было поистине ожесточенное сражение с фашистами, где решался вопрос кто кого? Всюду пылали танки и самоходные орудия, расстрелянные нашей артиллерией, подожженные бутылками с горючей смесью и противотанковыми ружьями пехоты. Люди дрались ожесточенно и мужественно, никто из нас тогда не замечал голода и того, что день клонился к вечеру. Атака противника все же была отбита.

Озлобленные фашисты за провал танковой атаки открыли из дальнобойных орудий и тяжелых минометов сильный огонь по нашим батареям. В результате этого обстрела одна гаубица была разбита и смертельно ранен командир орудия сержант Коновалов, учитель из Новосибирской области, которому осколком пробило комсомольский билет и сердце, ранило несколько человек и присыпало землей командира взвода А. И. Фортова. На четвертой батарее лейтенанта В. И. Розова в этом бою были еще более ощутимые потери. Розовская батарея, как мы ее тогда на фронте называли, была поставлена на прямую наводку. Немного позади боевых порядков пехоты и правее гаубичной батареи. Место здесь было чистое. Никаких посевов, и лишь попадал местами выгоревший ковыль. Однако

здесь вырисовывалась на местности небольшая котловина, которую артиллеристы использовали под огневую позицию. Орудия были хорошо вкопаны с прекрасным сектором обстрела, а сверху была натянута маскировочная сетка, запорошенная сухой травой. Словом, батарея была так хорошо замаскирована, что даже, проходя рядом, не сразу можно было заметить здесь установленные орудия. Командир В. И. Розов из-за бруствера первого орудия спокойно наблюдал за противником.

А по полю в это время, по равнине, насколько видит глаз, с ревом ползли танки, а за ними пехота в направлении наших позиций. Он не спешит, делая вид, что не замечает волнения бойцов, дает команду: «По первому, левее 020, по второму 030, батарея, огонь!» Летят бронебойные снаряды. Раздаются один за другим выстрелы. На поле боя загорелись два танка. И так, одна за другой раздавались на этой батарее команды. А сунувшиеся на этом участке танки вспыхивали один за другим. Видя такие потери, вражеская артиллерия открыла ответный огонь, нащупывая розовскую батарею. Но, не видя ее, немцы стреляли мимо. А тем временем батарея продолжала спокойно, без суеты, подпускать вражеские танки на прицельную дистанцию, расстреливать их в упор. На поле боя стояло около десятка подбитых танков и самоходок. Но атака продолжалась. Враг пытался сломить упорство нашей пехоты и артиллерии. Не добившись своей цели на этот раз, фашисты откатились. Во время беседы после боя с командиром второго орудия пушечной батареи коммунистом – сержантом Ф. М. Семеновым, родом из Мишкинского района, мне он сказал: «Немцы слишком горячились. Они надеялись на броню и рассчитывали – мы побежим. Но у нас на батарее народ дружный и стойкий». Мне хотелось бы сказать, что в этой батарее был прекрасный партийный организатор – политрук Михаил Слабодян. Он был душой батареи. Время находил для того, чтобы с людьми беседу провести. Если возникала необходимость, всегда мог заменить любого командира. Попал солдат в беду – всегда придет к нему. Заслужил солдат – всегда напишет семье о его подвиге. Очевидно, такой партийный подход и решал исход первого боя батареи.

Наступили вечерние сумерки, как вдруг издалека на огневую позицию этой батареи упал крупнокалиберный снаряд противника. Столб черного дыма вырос, за первым снарядом упал еще один, а затем на батарею обрушилось сразу несколько десятков. Все исчезло в клубах дыма и пыли. Снаряды падали впереди и сзади батареи, но падали в самый бруствер. Видя нависшую опасность, командир Розов скомандовал: «Всем в укрытия!» В это время взрывной волной многих разбросало. А когда люди пришли в себя и вылезли из-под земли (взрывами заровняло все щели), над батареей стояло облака пыли. Все это постепенно развеялось, и тогда было видно, как первое орудие, очевидно, подброшенное взрывом вверх, было покорежено, а у другого орудия оборвало колесо. Несколько солдат из орудийных расчетов убиты и ранены. Немцы посчитали, что с четвертой пушечной батареей все покончено, перенесли свой огонь на гаубичную батарею. Все, что произошло с нашим дивизионом в этот раз, говорило о том, что немцы засекли наши огневые позиции и хорошо к ним

пристрелялись. Оставаться здесь дальше нам было нельзя. Ведь с восходом солнца немцы снова начнут атаку, но прежде всего они подавят огнем нашу артиллерию. Без нашей поддержки пехоте не устоять. Поэтому командир дивизиона по согласованию с командиром пехотного полка, которого здесь мы поддерживали огнем. Принял решение вывезти орудие из опасной зоны. На следующую ночь нашим артиллеристам снова довелось копать траншеи для орудий и окопы для людей. На этот раз работали все без исключения от рядового бойца до командира. В ход были пущены не только кирки, мотыги, лопаты, топоры и ломы, но и солдатские котелки. Использовали все, чем можно было вгрызаться в землю. На рассвете немцы открыли огонь по прежним нашим огневым рубежам. Вслед за этим налетела фашистская авиация. Самолеты шли волна за волной на передний край обороны нашего соединения. То там, то здесь кружились «Юнкерсы», тараня окопы пехоты. В воздухе были сирены, свистели снаряды. Сотрясалась земля, стояли клубы дыма и пыли.

На второй день боев на нашем участке обороны между разъездами Рычковским и Новомаксимовским – железной дороги Ростов-Сталинград немцы сосредоточили крупный бронированный кулак, рассчитывая прорвать нашу оборону, выйти к Дону и захватить переправу. Особенно они рвались к железнодорожному мосту через Дон, который находился в 5-8 километрах от Рычковского. Мне хорошо врезалось в память, когда армада танков и самоходных орудий в сопровождении автоматчиков шла на боевые порядки нашей пехоты и артиллерии. Над нашими позициями поднялся вой осколков, свист пуль. Фашисты рассчитывали через боевые порядки спокойно пройти вперед к Дону, но бойцы открывали ураганный огонь из всех видов оружия по наступающему врагу. Артиллерия как дивизионная, так и полковая, в этот день прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она корежила тяжелые немецкие танки, как картон, с которыми не могли справиться бронебойщики. Она словно меч отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков. В разгар ожесточенных боев к нам на огневые позиции прибыл командир дивизии, полковник П. И. Сологуб. Я как сейчас помню – это был немного уставший, но крепкого сложения и с волевым характером человек, который в минуту затишья зашел на четвертую батарею. Приветствуя присутствующих солдат и офицеров, сказал: «Спасибо вам, братцы, за мужество и стойкость, за подбитые танки!» И выразил надежду, что артиллеристы и впредь будут так сражаться. Присутствующие солдаты в один голос заверили комдива, что будут драться до победного конца, и кто-то из присутствующих сказал: «Нам бы только побольше снарядов». Снаряды расходовались куда быстрее, чем подвозились. И это понятно. Ведь в напряженные периоды боя тысячи снарядов расходовались за какие-нибудь два-три часа. А тут еще вражеская авиация, господствуя в воздухе, круглосуточно бомбившая железнодорожные составы, переправы через Дон и автомобильные колонны, сдерживала своевременную доставку боеприпасов на фронт. И все же ценой огромных усилий и солдатской смекалки положение выправлялось. Полковник П. И. Сологуб заверил, что артиллеристы всегда будут иметь снаряды,

и просил нас крепче держать оборону и перемалывать вражескую технику и пехоту. И мы, бойцы и командиры, не только задержали здесь фашистов на несколько недель, но и нанесли ему серьезный удар.

Здесь в большой излучины Дона в конце июля к нам поступил приказ наркома обороны И. В. Сталина. Помню, с каким волнением мы читали его. «...После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало намного меньше людей, заводов, фабрик. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни запасах хлеба. Отступать – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Из этого следует, что пора кончать отступление, ни шагу назад! Таким теперь должен наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего нам это ни стоило... Можем ли выдержать удар, а потом отбросить врага на Запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, артиллерии, минометов. Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Суровый тон приказа, его слова, обращенные ко всем воинам от генерала до солдата, глубоко проникли в сознание каждого. Для нас, коммунистов и политработников, было очень важно донести требования приказа наркома И. В. Сталина до сознания каждого бойца, укрепить его стойкость, вселить уверенность в неизбежность нашей победы. И надо сказать, что здесь, на Дону, стойко держался в боях рядовой и командный состав. Я уже говорил, что мы в течение двух недель сдерживали натиск превосходящего нас в несколько раз в технике и людях врага. Фашистам не удалось с ходу разгромить лобовыми танковыми атаками. Тогда они после тщательной длительной подготовки предприняли обходные маневры и решительный штурм по всей линии фронта, в особенности возле мостовых переправ на Дону.

Вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах командующий войсками 62-й армии В. И. Чуйков, в состав которой входила и наша дивизия: «Сосредоточив здесь много авиации и танков, противник 7 августа вновь перешел в наступление и прорвался в глубину нашей обороны. К вечеру 8 августа вражеские танки появились в районе мостовой переправы через Дон у города Калач. Одновременно две пехотные дивизии гитлеровцев при поддержке 150 танков и авиации атаковали соединение полковника И. П. Сологуба, действовавшего на левом фланге фронта, создав тем самым угрозу захвата

железнодорожного моста через Дон у поселка Луговского (разъезда Рычковского)».

Тот августовский день, когда было суждено немцам прорваться к железнодорожному мосту, стоял жаркий. Десять немецких лобовых атак! Десять попыток вклиниться в наши боевые порядки! Танковые броски. Штурмовка самолетов с сиренами, непрерывный артиллерийский и минометный огонь по всему участку фронта. Но сибиряки не испугались неистовства сирен, скрежета гусениц, не боялись и просочившихся автоматчиков. Все дрались героически, выполняя приказ удержать здесь рубеж. На исходе дня из района станции Верхне-Чирской в направлении Дона вышел косяк немецких танков, который с грохотом и рычанием начал развертываться и вползать с левого фланга в боевые порядки наших подразделений, повел массированный обстрел по мосту и нашим тылам. В связи с этим нашему артиллерийскому дивизиону было приказано немедленно выйти на встречный бой с прорвавшимися танками и мотопехотой, устремившихся к железнодорожному мосту. Поблизости к Дону находились огневые позиции гаубичной батареи, которые под командованием лейтенанта Фортова первыми вступили в бой с фашистами на этом участке. Вскоре к ним подоспела и четвертая пушечная батарея под командованием В. И. Розова. Завязался в пяти километрах от переправы ожесточенный бой. Наши артиллеристы оказались не в выгодных условиях. Местность, где проходило сражение, представляло собой равнину. Люди и орудия по существу ничем не прикрывались и были не защищены, а на них двигались бронированные чудовища, вооруженные пушками и крупнокалиберными пулеметами, которые на ходу изрыгали массу раскаленного металла в наших бойцов. Орудийные расчеты гаубичной батареи, которыми командовал сержант Васильчиков, одессит Горба и сибиряк Горанов, а также орудийные расчеты пушечной батареи Ф. Семенова и В. Антонова открыли по танкам прицельный огонь. Один за другим летели снаряды в гущу движущихся танков и бронемашин. Дымом взлетала земля, а впереди идущие танки вспыхивали. Фашисты не ожидали столь сильного удара артиллерии, начали шарахаться из стороны в сторону. А в это время еще сильнее стали вспышки в боевых порядках врага. Оказалось, что в бой вступила наша советская дальнобойная артиллерия, находящаяся на левом берегу Дона. Её крупнокалиберные снаряды разметали все на своем пути.

В то время, когда шел бой здесь, у железнодорожного моста, другая крупная танковая группировка, прорвавшая оборону нашей стрелковой дивизии в районе железнодорожного разъезда Старомаксимовского, ринулась вперед и вышла к мостовой переправе через Дон и верх по реке возле города Калач. Вот что пишет в своих воспоминаниях по поводу прорыва командующий 62-й армией В. И. Чуйков: «Прорыв фронта на правом и левом фланге поставил нашу армию и в особенности те её части, которые вели напряженные бои в тылу противника, весьма в затруднительное положение. Армия получила приказ частью своих сил занять новую полосу обороны на левом берегу Дона, а силами, оставшимися за Доном и ведущими бои в окружении, продолжать изматывать, истреблять

противника». Никогда не забыть героический подвиг бойцов и командиров пушечной батареи, которой командовал в те дни молодой лейтенант, комсомолец Л. Т. Лелюх. Комиссаром батареи был москвич И. И. Чернов. Этот молодой энергичный командир батареи в критические минуты для дивизиона быстро доставил свою батарею к месту наших боев у переправы, развернул огневые взвода к бою. Казалось бы, не могли выдержать нервы от воя, грохота и разрыва снарядов, мин и пуль. Однако люди этой батареи вступили в сражение с наступающими вражескими танками и пехотой.

За давностью лет я не назову всех имен, кто дрался здесь с фашистами, а только те, чьи мне удалось восстановить, - это прежде всего сам комбат Л. Т. Лелюх, комиссар И. Чернов, санинструктор А. Павлюк, наводчики и заряжающие В. В. Бородуля, В. М. Коршаков, И. К. Пожидаев, С. З. Бодня, Д. А. Шаламов, И. Ф. Каракулов, И. С. Морковкин – все они из Новосибирской области – и многие другие. Говоря об этом ожесточенном сражении у переправы, надо признать, что только благодаря мужеству и стойкости всех, кто здесь сражался: артиллеристов, минометчиков, пехотинцев и саперов, враг был не только приостановлен, но и отброшен с большими потерями. Этой небольшой нашей победе способствовало и то, что в тылу у немцев в районе станицы Нижне-Чирской в эти часы, судя по артиллерийской канонаде, там разразился бой, в результате чего фашисты поспешно отошли от переправы. Как только бой затих, нашему артиллерийскому подразделению было приказано немедленно переправиться на левый берег Дона и там по реке в боевых порядках пехоты занять огневые рубежи. Наши части переправлялись в более «спокойных» условиях, если не считать частых разрывов возле переправы тяжелых снарядов дальнобойной немецкой артиллерии. Во время обстрела, когда я уже перешел мост, меня вдруг резко подбросило и завалило землей. Не помню, как долго лежал, но когда поднялся, увидел, что мост уже разрушен, а не успевшие обозы и люди пытались переправиться через реку в брод и на плотках. Хотя здесь Дон имел в то время разлив до 300 метров и глубина достигала местами до 2,5 и более метров, люди сумели переправиться.

Возвращаясь в прошлое, мне хочется сказать несколько слов об Анне Павлюк, молодой патриотке, которая в тяжелые дни для нашей Родины закончила курсы физкультуры и военного дела, готовилась работать в сельской школе. В марте 1942 года по зову сердца ушла добровольно в ряды Красной Армии. Аня Павлюк в составе нашего артполка попала на Сталинградский фронт. Здесь в первые дни боев на дальних подступах города на Волге оказалась в гуще ожесточенных боев. Она рвалась туда, где было трудно и опасно. А когда ее старшие сдерживали, обижалась. Однажды политрук И.И.Чернов на такое рвение мягко, но строго ей сказал: «Не лезь в пекло, где тебе не надо. Ты храбрая девушка, но ты у нас одна».

Надо сказать, что Аня Павлюк здесь в двухнедельных боях на Дону без усталости в сложных ситуациях проявляла мужество, честно выполняла свой

солдатский долг, оказывая медицинскую помощь раненым, а в необходимых случаях выносила их с поля. Десятки воинов обязаны ей жизнью. Аня Павлюк (ныне москвичка Анна Леонтьевна Юрова) в своих воспоминаниях о жестоких боях возле железнодорожного моста, которые проходили 8 августа, и где она была, пишет: «Когда наша батарея пошла к переправе, то здесь шел страшный бой. Я видела, как сюда двигалась армада танков, которая вела сильный огонь. И несмотря на это наши орудийные расчеты, развернув пушки, тут же открыли беглый огонь по врагу. В грохоте стрельбы и разрывов стали появляться раненые на батарее, очень много раненых. С ужасом мелькала мысль: справлюсь ли я! Сумею ли всем оказать помощь? В этом кошмаре не сразу поняла, что тоже ранена. Меня ударило осколком по переносице. Но я, преодолевая боль и тошноту, перебегала от одного к другому раненому, оказывая им помощь. Думала, что не будет этому конца. Но, подняв голову, чтобы набрать воздуха, я увидела здесь других санинструкторов Аню Квардакову и Надю Жарикову. Тогда я поняла, что работала не одна. Вскоре бой затих, и нам было приказано сняться с позиции и переправиться за Дон. Переходили мы по железнодорожному мосту, под артиллерийским и авиационным огнем. Каким чудом нам удалось переправиться невредимыми, я до сих пор удивляюсь? Ведь как только мы переправились, вдруг рухнул мост, по которому двигались люди, техника и обозы. И все это живое вместе с обломками моста, под вой бомбардировщиков рухнуло на дно реки. Не сон ли? А самолеты сделали свое черное дело и улетели. После чудовищной бомбардировки река наполнилась человеческими телами, трупами лошадей и обломками повозок. Вскоре появились на том берегу танки и открыли огонь. Пришлось нам под пулеметным огнем вытаскивать из реки раненых и оказывать им помощь. И вдруг на самом берегу реки меня обдало взрывной волной, да так сильно, что сшибло с ног. До сих пор не верится, что я осталась жива».

Таким образом, мощный натиск фашистов со стороны Нижне-Чирской, откуда они хотели коротким путем прорваться к Сталинграду, нашими войсками был сдержан. Вот какую дал оценку нашим войскам, принявших участие в боях на этом участке фронта, Маршал Советского Союза А.М.Василевский: «Беспримерным мужеством, безмерной отвагой советские воины сорвали план немецкого командования – разгромить наши войска на правом берегу Дона и с хода захватить Сталинград». Следует отметить, что здесь враг понес значительные потери в живой силе, технике. Но нельзя забывать, что в опаленном зноем донской степи тысячи сынов страны Советов сложили головы за свободу нашей Родины. Здесь погибли командир дивизии полковник И.П.Сологуб, командир нашего арtpолка майор Николаев, политрук четвертой батареи М.И.Слабодян, командиры орудий Коновалов, Горба, Гаранов и многие другие артиллеристы нашего подразделения.

Заняв оборону на левом берегу Дона в районе станции Ляпичева, мы вели уничтожающий артиллерийский огонь по скоплению врага на западном берегу. Надо сказать, что здесь мы на своем участке несколько дней сдерживали

фашистов, не давая им переправиться через Дон. Однако на исходе 22 августа мы получили неутешительное сообщение. Немцы в 40 километрах от нас вверх по реке форсировали Дон и тем самым поставили наши войска под угрозу. Поэтому артиллерийскому дивизиону было приказано занять новые рубежи в районе станицы Карповка, находящиеся в 30 километрах от Сталинграда. 23 августа, когда мы находились в районе Карповки, через нас на большой высоте шли волна за волной тяжелые немецкие бомбардировщики. А вскоре во второй половине дня далеко за горизонтом было видно огромное зарево. Это горел Сталинград. Вечером этого же дня мы получили сообщение, что ударная танковая группировка немцев из района г. Калача на Дону, прорвав оборону наших войск, рывком в сопровождении штурмующей авиации, за несколько часов преодолев семидесятикилометровое степное пространство, вышла к Волге, севернее Сталинграда. А через несколько дней мы были подняты по тревоге и ускоренным маршем двигались к Сталинграду. Эта поспешность была вызвана тем, что другая немецкая танковая группировка вышла южнее Сталинграда и, говоря языком военных, мы находились на грани окружения.

В эти трагические дни для Сталинграда наше подразделение, как и многие другие части, обескровленное в тяжелых боях на дальних подступах шло по безлесому, безводному и опаленному солнцем степному пространству к Волге. Шли мы под ожесточенной бомбардировкой немецкой авиации, которая, прижав нас с воздуха к земле, пыталась здесь разгромить наши части. К полудню 28 или 29 августа впереди идущие дозорные сообщили, что севернее железнодорожной станции Воропоново под прикрытием «Юнкерсов» выполз косяк танков в перерез нашему маршруту. А наш путь к Сталинграду должен проходить между Воропоново и поселком Питомник, возле лесопосадки и реки Царица. Поэтому было ясно, что немцы преградили нам путь к Сталинграду. В связи с этим батареи нашего дивизиона, хотя были изрядно обескровлены, незамедлительно вступили в бой с немецким танковым заслоном. Гаубичная батарея и четвертая пушечная тут же развернулись в боевой порядок и открыли по врагу огонь. А пятая батарея под командованием лейтенанта Л.Т.Лелюха под завесой артиллерийского огня выдвинулась вперед, ближе к немецким танкам, открыла по ним прицельный огонь. Фашисты, не выдержав столь сильного отпора, отошли. Однако тут же вскоре в небе появились «юнкерсы» и начали ожесточенную бомбардировку и обстреливание батарей, пытаясь подавить их огнем. В этом сражении командир батареи Л.Т.Лелюх получил тяжелое ранение, его тело было прошито пулями крупнокалиберного пулемета и осколками в нескольких местах. И все же он какой-то момент продолжал ещё держаться на ногах, с устремленным взором вперед, перекошенным от злобы лицом, с лютой ненавистью, подавать команды «По фашистским мракобесам, огонь!», но потерял свои силы и упал. Санструктор Аня Павлюк, оказав своему комбату медицинскую помощь, тут же отправила его в медсанбат.

Вглядываясь в прошлое, надо сказать, что тогда под Сталинградом была чрезвычайно опасная ситуация. Нам было известно, что гитлеровские захватчики

имели целью отрезать все пути отхода войск нашей 62-й армии возле Сталинграда, зажав нас в клещах полуокружения, и ворваться в город одновременно с севера и юга. Перед этим они начали ожесточенную бомбардировку города с тем, чтобы здесь вызвать панику среди населения, деморализовав управление, и захватить Сталинград без боя. Но этого фашистам сделать не удалось. Наши войска, в том числе и мы, вошли в город организованно и тут же встали на активную защиту Сталинграда.

У стен Сталинграда

Враг упорно наседал на Сталинград. Немцы вышли на внешний оборонительный рубеж города по фронту более 45 километров. Создалась тяжелая обстановка. Военный Совет армии поставил перед нами задачу: создать у стен Сталинграда прочную оборону, превратить подступы к городу в недосягаемую крепость для врага и был дан боевой призыв «Ни шагу назад», «Стоять насмерть», «За Сталинград будем драться до последнего патрона». В реализацию этой задачи и борьбу с унылыми и паническими настроениями были приняты крутые меры к трусам и паникерам, а также подключены политработники, партийные организации. Мы в своем дивизионе в вечернее время собрали коммунистов и комсомольцев по-батареино и обсудили сложность обстановки. Людям было разъяснено о том, что наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановиться, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам.

Нашему дивизиону предстояло в те суровые дни вместе со стрелковыми полками нашей дивизии занять оборону северо-западнее Мамаева Кургана. Эту высоту, которую мы должны удерживать в своих руках, до войны называли просто Мамаев бугор. Расположен он возле зеленых насаждений, южнее рабочего поселка «Красный Октябрь», в двух километрах от Волги. Он отличался от других высот множеством балок и оврагов, а также тем, что господствует над всей окрестностью Сталинграда. С него хорошо были видны широкая панорама города и лесная заволжская даль. Поэтому военные и прозвали его Мамаевым Курганом.

А так как огневые взводы дивизиона располагались возле этой высоты, командир дивизиона А.Н.Горин вместе с командиром взвода В.М.Верник и разведчиками Курбатовым, Рубан и Гайдук в одной из траншей вершины Мамаева Кургана устроили НП, откуда намеревались вести наблюдение за противником, за предстоящим полем боя и вести корректировку артиллерийского огня. В ту пору уже находились здесь наблюдательные и командные пункты других воинских частей и подразделений, которые занимали оборону в этом районе. Здесь, на вершине Мамаева Кургана, находился командный пункт командующего 62-й армии В.И.Чуйкова и командующего артиллерией армии Н.М.Пожарского. Капитану А.Н.Горину пришлось тут же рядом с командующим артиллерией занимать НП и строить оборону и схему огня по его указанию.

Оборонительные рубежи нам довелось оборудовать довольно капитально и с таким расчетом, что они могли выдержать вражеский удар с воздуха и земли.

Надо сказать, что события развивались быстрее, чем могли предполагать. Уже утром 13 сентября немцы на нашем участке перешли в наступление в составе двух-трех полков пехоты, при поддержке примерно тридцати танков. Началось ожесточенное сражение. Шла одна атака за другой. Наши артиллеристы, минометчики и батальон противотанковых орудий вели уничтожающий огонь по танкам и пехоте. Кажется, враг заметался и остановил свое продвижение вперед. Но тут же снова началась атака, то в одном, то в другом месте нашей обороны. К всеобщей нашей радости, впервые мы увидели, как в небе появилась наша десятка краснорезных истребителей, которые, тараня обнаглевших «Юнкерсов», поджигали стервятников, рушившихся на землю. Вскоре воздух стал чист, наземные части фашистов притихли, прижались к земле. На короткое время наступило не только спокойствие, но всеобщее наше солдатское ликование. Эта схватка в небе вызвала у людей подъем и веру в наши силы. В этот день так и не удалось немцам протаранить нашу оборону. Мы ни на шаг не отступили. А врагу нанесли немалый урон. В этот день нелегко пришлось тем, кто находился на вершине Мамаева Кургана. Поэтому нередко огневые взводы проявляли самостоятельность и вели огонь по врагу только прямой наводкой. И все же связисты дивизиона – лейтенант Герасименко, его верные помощники и мужественные новосибирские парни М. Г. Вожев, И. Ф. Ткаченко и Г. М. Давыдов выбирали минуты и вырывались на линию, где чинили кабель и снова возвращались к НП и огневым взводам.

В связи с невозможностью дальше с вершины Мамаева Кургана управлять войсками из-за непрерывной потери связи, командный пункт 62-й армии в этот день вечером перебрался в балку реки Царица. Но артиллерийский наблюдательный пункт так и продолжал здесь находиться, на которых работал командующий артиллерией Н. М. Пожарский.

Особенно критическая обстановка для обороняющихся у подошвы Мамаева Кургана создалась 14 сентября. В этот день в направлении наших позиций гитлеровцы бросили несколько тысяч человек пехоты на штурм высоты в сопровождении сорока танков и перед тем, как двинуть эту армаду, они произвели снова ожесточенную бомбардировку и обстрел наших рубежей и вершины высоты. Не улегся еще дым и смрад над нами, не успели ещё мы стряхнуть с себя комья земли и вытащить своих товарищей из завала, как автоматчики уже подходили к нам на близкое расстояние и поливали огнем. Обстановка настолько стала угрожающей, что нам казалось было невозможно удержать этот участок: снаряды на исходе. Но люди дрались упорно, вели себя мужественно. Никто назад не оглядывался, мы понимали – позади Волга, а там судьба Родины. И вдруг в эту критическую минуту заработали наши славные «Катюши». Через наши головы прошуршали сотни смертоносных снарядов. Всё это свалилось в гущу атакующих

танков и пехоты врага. Это было впечатляющее зрелище, когда перед нашими глазами в лавине огня вспыхивали танки, автомашины и гибли фашисты.

И так снова на нашем участке разгорелась ожесточенная схватка. Наши бойцы убедились, что в сложной обстановке всегда нам будет поддержка, и поэтому сражались с исключительным мужеством. Очень внимательно следили за стрельбой, особенно по вражеским танкам и самоходкам. Делали своё дело напористо. Порой эта напористость доходила до подвигов. Так, заряжающий четвёртой батареи М. А. Уских родом из Челябинской области, будучи раненым осколком в спину, скрыл своё ранение, до конца боя оставался на своём посту. Подносчики снарядов этой же батареи Н.И.Богомоллов родом из Омской области и Е.Д.Галкин из Красноярского края, получив осколочные ранения, после оказания им медицинской помощи, продолжали оставаться в бою, подносили снаряды к орудиям. Здесь также отважно сражались в этом бою В. В.Чернов, Н. Т. Семёнов, С. М. Муравьёв, И. М. Бутов и И. И. Быструхин. Все они родом из Довольненского и Кочковского районов области. Здесь в ожесточенных боях у Мамаева Кургана, наш дивизион полностью потерял гаубичную батарею, орудия которой при авиационной бомбежке были разбиты. На месте орудий остались чудовищных размеров воронки, одновременно были разрушены командный пункт дивизиона, наблюдательный пункт командующего артиллерией армии Н. М. Пожарского. Только чудом остались в живых люди, многие из них, выйдя из этого большого потрясения, продолжали в последующих боях сражаться с немецко-фашистскими захватчиками, прорвавшимися на высоту. 15 сентября к нам на смену пришли из-за Волги свежие силы. Это были батальоны и полки 13 гвардейской дивизии генерал-майора А. Родимцева. Наш артиллерийский дивизион, а точнее его сильно потрепанные в ожесточенных боях батареи, были отведены с переднего края для пополнения материальной частью и людьми. В связи с этим хотелось бы отметить, что наше подразделение за два месяца боев на Сталинградском фронте по неполным данным на этот день уничтожило более 600 немецких солдат и офицеров, подбило и подожгло около 30 танков и самоходных орудий, 15 автомашин, разбило 10 орудий и 7 минометов. За это же время наше подразделение потеряло 60 человек убитыми и ранеными, 6 орудий, 2 трактора, 2 автомашины и более 30 лошадей. Командующий артиллерией армии генерал Н.М.Пожарский, на глазах которого в течение нескольких суток мужественно сражались мастера артиллерийского огня за важную высоту в городе и подбившие здесь более десятка танков, уничтожившие несколько сот фашистских головорезов, и тем самым приостановившие бешенный натиск врага, - всем бойцам и командирам дивизиона объявил благодарность, а капитану А.Н.Горину вручил именные часы.

Однако с наступлением немцев в конце сентября на Орловском выступе обстановка в районе СТЗ резко изменилась. Предполагался прорыв фашистов к Волге в районе Спартановки. Поэтому наше артиллерийское подразделение было передано в состав отдельной стрелковой бригады (командир бригады – полковник В. А. Болвинов), которая тогда занимала оборону севернее тракторного завода –

в поселке Спартановка. В связи с этим мне хочется кратко сказать о сравнительно небольшом участке земли, который составлял лишь пять квадратных километров поселка. Но прежде всего скажу, что по приказу командира бригады полковника В. А. Болвинова группа офицеров нашего подразделения во главе с заместителем командира дивизиона В. У. Бутырина, командира батареи В. Розова, командира взвода А. И. Фортова, воентехника А. Ланцева и автора этих строк, за несколько дней за Волгой сформировала две батареи и ввела их в бой. Таким образом, с тех пор наше артиллерийское подразделение стало именоваться отдельным артиллерийским дивизионом, который был укомплектован по штатам военного времени первоклассной военной техникой и людьми. Кстати сказать, в дивизион тогда пришли прекрасные люди, прошедшие большую школу мужества. Почти весь сержантский и рядовой состав состоял из моряков и краснофлотцев речного флота Волжской военной флотилии. Все эти парни в тельняшках были отличные бойцы и храбрые люди. Среди них немало было и комсомольцев.

Я хорошо помню прибывших тогда в дивизион опытных, уже обстрелянных младших командиров башкира Тукбаева, северянина Л. Завьялова и сибиряка Кузьмина. Пока наша группа офицеров занималась за Волгой формированием двух артиллерийских батарей и поставкой их на новые огневые рубежи, в Спартановке в это время под руководством командира дивизии майора А. Н. Горина и начальника штаба Н. А. Аникина весь личный состав нашего подразделения занимался укреплением оборонительных рубежей. Люди день и ночь, в течение многих суток под артиллерийско-минометным вражеским огнем зарывались в землю. Доставленные нами сюда шесть 76-миллиметровых пушек были установлены и вкопаны между развалин западной части поселка. Огневые позиции батареи, которой командовал старший лейтенант Кохновер, были хорошо замаскированы, откуда можно было вести огонь по закрытым целям противника и прямой наводкой, здесь же для орудийных расчетов были выкопаны глубокие щели, а в сохранившихся подвалах оборудованы блиндажи с усиленным перекрытием. Десятки надежно укрытых наблюдательных пунктов стали глазами дивизиона. Между орудийными расчетами, огневыми взводами и наблюдательными пунктами были открыты хода сообщения. Также проделаны и хода сообщения к Волге, где в откосах высокого берега находились наши землянки для укрытия раненых и отдыха людей. Причем для надежности связи по всем ходам сообщения был проложен телефонный кабель. По сути весь поселок был превращен артиллеристами, минометчиками, саперами и пехотинцами нашей отдельной стрелковой бригады в своего рода крепость. Одним словом сибиряки не собирались отсюда уходить.

А вторая вновь сформированная пушечная батарея, которой стал командовать В. И. Розов – хорошо нам известный офицер по ратным делам на Дону, была размещена за Волгой в лесонасаждениях реки Ахтубы. Хотя она на этот раз находилась на значительном удалении от переднего края противника, но поражала она вражеские цели точно. Каждый раз, отбив очередную атаку, они меняли огневые позиции, а точнее на руках перекатывали пушки на запасные и

потом при необходимости снова вели огонь, причиняя огромные потери немцам, рвавшимся к Волге. Даже и при такой тактике ведения артиллерийского огня не раз эта батарея выдерживала ожесточенные бомбардировки. Мне довелось видеть чудовищные воронки возле самих орудий. На стволах и щитках следы осколков. Кажется немыслимым, чтобы в течение четырех месяцев батарея держалась и почти без потерь. Здесь на огневых взводах отважно и упорно сражались молодые парни Довольненского и Кочковского районов Новосибирской области. Я назову их некоторые имена по сохранившимся архивным документам: С. С. Екимов, И. С. Ляхов, Н. Ф. Кожушко, С. М. Мукавьев, И. С. Коломеец, И. М. Елисеев, Н. П. Никитенко, Г. И. Овсеенко. Каждый из них хорошо понимал – мало одной ненависти к врагу, надо уметь бить его без потерь собственных сил. Так они и делали.

Однако огневой взвод третьей гаубичной батареи, который только что был сформирован на левом берегу Волги, довелось нам размещать на острове Спорном, а точнее на клочке наносного песка среди Волги против Сталинградского тракторного завода. Оказалось, в заволжских лесах было столько артиллерийских установок, различных систем и калибров, что даже не нашлось места для наших двух гаубиц. Причем, плотность размещения артиллерийских орудий была настоль велика, что когда мы, проходя по зарослям, увидели это своими глазами, ахнули! Теперь после войны имеются точные данные, что в Заволжье к началу разгрома немцев под Сталинградом находилось на каждом километре по фронту более 200 стволов. Надо себе представить, какая в те дни стояла здесь грозная сила для врага! В октябре боевая обстановка защитников города была крайне тяжелой. Немцы прижали нас к Волге, и линия фронта местами практически проходила всего лишь в одном-двух километрах от реки. Вели они постоянный обстрел наших позиций и ожесточенные атаки, стремясь во что бы то ни стало выйти к Волге. Все это заставляло нас не только отражать яростные атаки, но быть особенно бдительными. Дело в том, что гитлеровцы за последние дни сосредоточивали крупные силы на небольших участках по фронту, то в одном, то в другом месте и вели бешенные атаки. После того, как им не удалось в центре города прорваться к Волге, они повели усиленную подготовку к наступлению на нашем участке фронта завода «Красный Октябрь» СТЗ и Спартановку. Причем, фашисты были уверены, что в ближайшие дни столкнут нас в Волгу, поэтому со своих позиций повсеместно на нашем участке через усилитель кричали «Русь скоро буль-буль у Вольга». Им показалось этого мало, тогда с самолетов по всему Сталинграду, и особенно у нас на СТЗ и Спартановке, была рассеяна масса листовок. В одной из них нарисована схема, как мы окружены танками, орудиями и автоматчиками, и сделана приписка: «Вы окружены. Не ждите помощи». В другой листовке призыв: «Сдавайтесь». Таким способом немцы пытались на нас воздействовать, хотели поколебать и сломить солдатскую волю к победе.

В связи с тем, что обстановка в Сталинграде резко осложнилась, политработники и коммунисты повсеместно среди бойцов и командиров

накоротке проводили беседы, говоря людям правду о том, что действительно 62-я армия охвачена немецкими войсками и прижата в Волге. «Единственный путь к источнику силы нашей Армии – тылам, является Волга. Но это был путь сквозь огонь. Вся река против Сталинграда и подступы к левому берегу Волги жестоко обстреливались. А по ночам над Волгой немцы развешивали на парашютах «Фонари»- сильные ракеты и освещали каждую пядь земли. Появлявшееся на Волге малейшее пятнышко тут же расстреливалось». Шел также разговор во взводах и батареях о том, что немцы уже стали не те, что были на Дону. Где они шли походным маршем, наперевес на груди с автоматами, с засученными рукавами и губными гармошками во рту. Теперь им не до гармошек. Гитлер требовал захватить Сталинград ещё в августе, затем в начале сентября, но вот уже начало октября, а город в наших руках и продолжает сопротивляться с возрастающим упорством. Далее мы в беседах говорили о том, что если немцы за 28 дней завоевали Польшу, то в Сталинграде за 28 дней они взяли несколько домов. За 38 дней они завоевали Францию, а в Сталинграде за это время продвинулись с одной улицы на другую. На этих убедительных фактах людям вселялась вера в своё оружие и свои силы. Вместе с тем обращалось внимание на то, что военный Совет армии требует от нас стойко оборонять свои рубежи, бить танки только прямой наводкой, а пехоту из всех видов оружия и карманной артиллерией. Вот так мы и готовились к предстоящим боям.

Немцы начали свой «генеральный штурм» тракторного завода и Спартановки 14 октября с ожесточенной авиационной бомбардировки цехов завода и его поселков. Бомбардировка переднего края и узкой полоски земли продолжалась несколько дней. Было зарегистрировано в этом районе до 2000 самолетов-вылетов в день. Под душераздирающей вой немецких штурмовиков земля взлетала в воздух, горело дерево, плавился металл, рушился бетон. В эти часы ожесточенной бомбардировки всякое движение на батареях было прекращено, люди находились в укрытиях, лишь только артиллерийские командиры да их верные наблюдатели В. М. Верник, Д. В. Вавилов, М. Г. Кондратюк и И. Ф. Ермаков, постоянно рискуя жизнью, постоянно находились на наблюдательных пунктах, следили за передним краем, за происками врага. А перед глазами наблюдателей в это время рушились жилые здания танкостроителей, горели заводские цеха. А наши блиндажи и щели, в которых мы находились, не только трясло в лихорадке, но земля звенела и целыми глыбами отваливалась. Там, где были прямые попадания в траншею или блиндаж, летело всё вверх, а потом рушилось. Вскоре мы почувствовали отсутствие связи. Прекратилась радиосвязь с островом, не стала работать телефонная связь с левым берегом и огневыми взводами, расположенными здесь в Спартановке. Наступило тяжелое положение для нашего дивизиона. Ведь огневые взводы без команд с наблюдательных пунктов вести прицельного огня по врагу не могли. А командиры батарей Кохновер, Розов и Иванов, находящиеся здесь, на наблюдательных пунктах, без связи были лишены возможности вести борьбу с танками и немецкой пехотой без артиллерийского огня. В этой сложной

обстановке связисты М. Г. Вожев и И. Ф. Ткаченко под вражеским огнем отправились по траншеям Спартановки для устранения повреждений кабеля. Начальник разведки дивизиона лейтенант В. М. Верник и командир взвода связи Герасименко с двумя связистами сержантом З. Астаховым и Г. М. Давыдовым были отправлены на Волгу для восстановления разрушенного телефонного кабеля с батареей, находящейся на левом берегу. Под бушующим вражеским огнем связь была восстановлена.

Как и следовало ожидать, после многодневной бомбежки переднего края наших подразделений на СТЗ и Спартановке немцы бросили на всем этом участке фронта танки. Шли они под прикрытием огневого вала своей артиллерии. Перед нашим рубежом не было каких-либо особенных препятствий для вражеских танков, если не считать минного поля. Шли они стройно, уверенно, словно на парад. Силуэты тяжелых танков были хорошо видны не только с наблюдательных пунктов, но и в панораму пушек. Передние танки уже подошли на близкое расстояние, были четко видны жерла, стертые до блеска траки гусениц, желтого блеска огня на дульных срезах пулеметов. Над головами артиллеристов, повизгивая, пронеслись пули. Однако артиллеристов не смутила на этот раз армада танков,двигающихся на Спартановку и льющийся над их головами поток свинца. Уже первые выстрелы наших орудий, стоявших на прямой наводке, поражала цель, а по задним танкам, что шли по полю, ударила дальнобойная советская артиллерия и ряды их были расстроены. Наши люди теперь хорошо усвоили повадки врага: храбры немцы тогда, когда от них бегут, а когда получают дружный отпор, они трусливо улепетывают с поля боя. В тот день ожесточенного боя повсюду горели танки, бронемшины, на поле сражения лежали сотни трупов, а солдатню всё гнали и гнали вперед. Мы видели их грязные лица, порванные мундиры слышали их картавые выкрики и угрозы. Но стоило только под аккомпанемент грохота нашей артиллерии появиться огненной трассе смертоносных снарядов «Катюш», как в безумстве немцы бежали с поля боя. Немецкое командование в эти дни бросило в наступление на СТЗ три пехотные дивизии и более сотни танков. В течение 48 часов защитники завода вели кровопролитные бои. Фашистам, хотя с потерей собственных сил, но удалось завладеть СТЗ и выйти к Волге. С тех пор наши подразделения, находящиеся в поселке Спартановка и Рынок, были практически отрезаны от войск 62-й армии, и мы были зажаты в крепкие тиски врага, а позади оставалась огненная Волга.

Оглядываясь на прошлые военные события в Сталинграде, мне хочется сказать, что в ту самую ночь, когда немцам после занятия СТЗ удалось крепко закрепиться на берегу Волги, они предприняли силами одной пехотной и одной танковой дивизии усиленными механизированными полками ночное наступление на нашу, окруженную здесь в Спартановке и Рынок, северную группу войск, которой тогда командовал полковник С. Ф. Горохов. Ночное наступление немцев здесь было редкое явление. Они рассчитывали, что после большого потрясения, застанут нас врасплох. Но зная их повадки, наш передний край и огневые позиции были тогда повсюду обставлены минами, пушками и тяжелыми

минометами ст. лейтенанта А. Шубина, которые были пристреляны. Все без исключения артиллеристы, минометчики, гранатометчики взвода ПТО, саперы, пехотинцы, связисты и разведчики были и на этот раз вооружены пулеметами, автоматами и особенно карманной артиллерией. Одним словом, все были готовы сражаться в любых условиях и тем более ночью. Когда они сунулись в ночь на 16 октября по всему участку в атаку, то она была успешно отбита. Без авиации, которая всегда им прокладывала дорогу, на этот раз не смогли и шагу продвинуться. И все же после того, как немцы отсекали наши подразделения двух отдельных стрелковых бригад в районе СТЗ от 62-й армии, обстановка у нас на Спартановке и Рынок продолжала изо дня в день осложняться. У нас здесь практически не было ни танков, ни каменных строений, никаких долговременных оборонительных сооружений. А противник, владея гребнями прибрежных высот с выходом на тракторный завод и к Волге, хорошо просматривал и простреливал не только наши рубежи, но и поселки. Поэтому немцы препятствовали нам в доставке грузов и эвакуации раненых. Причем, после того, как они окружили нас, здесь усилили свои повседневные атаки на наши позиции. Стремались во что бы то ни стало столкнуть в Волгу и ликвидировать наш плацдарм. Но этого сделать им не удалось.

Большим событием для нас, защитников Сталинграда, было 19 ноября наступление советских войск. Накануне этих событий, поздно ночью, нам было сообщено, что утром начинается генеральное наступление юго-западного и Донского фронтов нашей 62-й армии, в этот и последующие дни отводилась задача вести активную оборону, сковать противника в Сталинграде, не дать ему возможности свободно снимать свои части и перебрасывать их на другие участки фронта, где нашими войсками наносились главные удары по врагу. В ту счастливую ночь на командном пункте дивизиона никто уже не ложился спать, многие из нас, кто-то навалившись на бруствер, кто-то поудобнее усевшись на ящик в проходе траншеи, покуривая, обсуждали такие радостные предстоящие события. Многие, как-то с легкостью даже вздохнув, приговаривали: «Наконец-то настал и на нашей улице праздник». Утром 19 ноября с личным составом артиллерийских батарей мы провели беседы непосредственно на огневых взводах о наступлении юго-западного и Донского фронтов. Сколько было тому радостей у наших людей и ликования по поводу такого события. Однако мы в то утро ещё не знали, что и наш Сталинградский фронт также пойдет в генеральное наступление, но позже на сутки. В эти радостные дни измученные длительными боями защитники Сталинграда, находящиеся на узкой полоске земли на южной и северной окраинах города, либо в каменных кручах у Волги и недалеко от центра, с большим подъемом встретили сообщение о генеральном наступлении наших войск. Хотя многим из нас в эти дни не довелось видеть из-за руин и высот прибрежных гребней того места, где непрерывно сверкали орудийные выстрелы, но зато все с затаенным дыханием хорошо слышали артиллерийскую канонаду, которая подвигалась от Дона всё ближе к Сталинграду. Началось то, во имя чего мы, не зная страха, отстаивали руины города.

К исходу дня 20 ноября стало известно, что войска перешедшие в наступление севернее и южнее Сталинграда, смели оборонительные позиции на флангах немецкой группировки войск. С радостью следили мы за развитием гигантского сражения. Оперативные сводки были одна радостней другой. Далее события развивались с удивительной быстротой – 23 ноября войска Донского и Сталинградского фронтов уже соединились. В течение пяти дней ударная группировка трех советских фронтов успешно прорвала оборону противника, продвинулась на 100-120 километров. Окружили 330-тысячную немецкую армию под Сталинградом. Приказ военного Совета Сталинградского фронта и вести об окружении противника стали главной темой всей нашей партийно-политической работы в подразделениях, вызывали у всех воинов чувство глубокой радости, на батареях среди людей чувствовался патриотический подъем. Политработники разъясняли личному составу, что насыщенность войсками и боевой техникой на главном направлении удара было делом всей партии и всего народа. Благодаря трудовому подвигу героического тыла, сумели в трудных условиях дать Сталинграду такую силищу. Тогда было военной тайной, теперь стало известно, что в разгроме немцев под Сталинградом участвовала миллионная, хорошо вооруженная Советская Армия.

24 ноября наши батальоны и дивизионы стрелковых бригад полковников Болвинова и Горохова, чувствуя наступательный подъем людей, совместно с частями Донского фронта, наступавшими с севера, ринулись в атаку на передовые позиции немцев в поселке Латашинка, и завязали ожесточенный бой. Немцы, оказавшись теперь между двух огней, в панике заметались. Однако немногим удалось бежать отсюда в город и укрыться в норах сталинградских развалин. Все другие здесь нашли себе могилу. Таким образом, в этот день мы разорвали полукольцо нашего окружения в Спартановке и Рынок, очистили берег Волги от фашистов. Перед Новым годом в наших подразделениях защитников Сталинграда очень много было различных делегаций тыла, приезжавших с подарками. Так, я помню к нам приезжали делегации Казахстана и Челябинской области. В подарках были соленое сало, жареная птица, колбаса, вяленая рыба, табак, папиросы, кисеты, носовые вышитые платки, теплые варежки, шарфы, ватные телогрейки и зажигалки, а главное – в каждом подарке было письмо с теплыми словами наших тружениц тыла. Такая неразрывная связь тыла с фронтом, а точнее забота о фронтовиках, своих сыновьях, была важнейшим фактором морального подъема наших бойцов. Немаловажным событием того времени было у нас в дивизионе то, что перед Новым годом был значительный поток заявлений в партию от бойцов и командиров. В вечерние часы мы сидим в просторной землянке крутого обрывистого берега Волги, здесь всегда место было спокойное: ни мины, ни пули, и даже бомбы не достигали этого запасного убежища дивизиона. Огонь в печурке языкастый и яркий. Бойцы, а их было немало, от жары как-то немного разомлели, на их лицах появился румянец. Шло заседание партийного бюро дивизиона, которое вел парторг, он же политрук батареи С.Х.Саркисов. Рассматривались в этот раз заявления сержанта Тукбаева,

санинструктора А. Квадраковой, командира взвода А. И. Фортова, начальника штаба Н. А. Аникина и многих других. О чем они тогда думали? Какие мысли их волновали? Трудно прочесть на их лицах. Но были действия, акты и документы, которые как бы приоткрывали душу героев сталинградских боев туркмена сержанта Тукбаева, медсестер, сибирских девушек А. К. Квардаковой и А. Павлюк, прошедших суровую дорогу войны, спасших жизнь многим десяткам воинов. Старшего лейтенанта Аникина – отличника артиллерийского огня, приумножившего своим героизмом и отвагой славу дивизиона, лейтенанта А. И. Фортова, бесстрашного, сумевшего своим личным примером в тяжелые минуты сражения воодушевлять бойцов на большие подвиги.

Продвижение на нашем участке Спартановка – СТЗ на вражеские позиции очень медленно нарастало. Огневые точки врага здесь хотя и были массированным огнем нашей артиллерии уничтожены, но живая сила вся укрывалась в подвалах домов и в дзотах. Когда там, в степных просторах, немцев выбили с занимаемых огневых рубежей, то все, кто уцелел, бежали сюда к стенам Сталинграда, под укрытые городских развалин и в теплые подвалы, превращенные ими в опорные пункты. Очевидно, фашисты надеялись ещё как-то здесь продлить свое существование.

Мне надолго запомнится день 26 января 1943 года, когда произошла историческая встреча защитников волжской твердыни с наступающими с запада войсками Донского фронта и потеря в этот день в бою молодых коммунистов, происшедшая буквально за несколько дней до разгрома немцев в Сталинграде. Утром рано штурмующие группы стрелковых батальонов нашей стрелковой бригады полковника Болвинова, после небольшой артподготовки, которая велась заволжской артиллерией, пошли в атаку на немецкие огневые позиции. Одновременно их поддерживали огнем и орудийные расчеты Ф. В. Семенова, В. Б. Санковского и Тукбаева. И вот уже крадутся, ползут вперед наши солдаты от воронки к воронке, едва различимые, быстрые, как молния, с красными от мороза лицами, с автоматами в руках, с наполненными гранатами противотанковыми сумками. Немцы, находившиеся в подвалах домов и дзотов. Видя это движение, открыли шквальный пулеметно-автоматный огонь, прижимая атакующих к земле. Командир орудия Тукбаев заметил, откуда немцы вели обстрел. Он открыл по амбразурам огонь. Увесистые снаряды незамедлительно делали свое дело. Стены валились, амбразуры заваливало. Пулеметно-автоматный огонь прекратился. Наши штурмовики, сделав несколько бросков, ворвались в развалины домов, где шел ближний бой. В Другом месте, правее, следующая штурмовая группа, достигнув немецкие блиндажи, кричала «хенде-хох». А там, где они огрызались, забрасывала их гранатами. И вдруг, откуда ни возьмись, выползли два танка чудовищных размеров, с белыми крестами на башне, которые двигались с заводского поселка возле оврага вниз к Волге, отсекая таким образом наши штурмующие группы. Видя это, командиры орудия Ф. В. Семенов и В. Б. Санковских, чьи пушки находились на прямой наводке в створе железобетонного моста через Сухую Мечетку, понимая, что допустить дальнейшее продвижение

танков нельзя, по одной команде открыли беглый огонь по танкам. Один из них, что двигался позади, вспыхнул. Другой танк, идущий впереди, продолжал двигаться и бить по нашим пушкам. Тогда Ф. В. Семенов вступил в единоборство и прямой наводкой сбил с этого танка гусеницы. Однако тот все же продолжал вести огонь по пушке. Вот в небо взметнулись один за другим столбы дыма и огня. Пушку Ф. В. Семенова заволокло. Было ясно, что враг её накрыл своим огнем. В пламени оказались развороченные станины. Командира орудия Семенова воздушной волной прижало к земле, он был контужен. Наводчик Вася Хорошилов, комсорг батареи, убит. Заряжающий Костя Биряев, захватив руками лицо, находился в беспмятном состоянии: множеством осколков ему ранило глаза. Другие из огневого расчета были смертельно ранены. Прибежавшая сюда медсестра А. Фомина, увидев столь тяжелую обстановку, не растерялась и немедленно оказала помощь К. К. Биряеву, выведя его из этого адского огня, отправила через Волгу в госпиталь. Ф. В. Семенов также был приведен в чувство и отправлен в медсанбат.

Разразившуюся дуэль между танками и пушкой Ф. В. Семенова заметил командир орудия сержант Тукбаев, пришел на помощь. Ему удалось прямой наводкой двумя выстрелами сбить башню танка. Однако спасти своих товарищей не успел. На поле боя, возле речки Сухая Мечетка, все затихло, как будто ничего существенного не произошло. Тем временем, немцы на этот участок подтянули минометную батарею, открыли огонь по орудиям, и Тукбаев был тяжело ранен. В итоге в этот день мы потеряли прекрасных боевых сержантов В. Хорошилова, Тукбаева, Ф. В. Семенова и К. К. Биряева. В эти утренние часы на другом конце заводского района Сталинграда в рабочем поселке «Красный Октябрь» раздался грохот машин. Под тяжестью советских танков «КВ» гитлеровцы в панике метались из стороны в сторону. Они не могли сдержать наши грозные силы. Огнем своих орудий и гусеницами тяжелые танки «КВ», на броне которых надпись «Челябинский колхозник», громили укрепления врага, уничтожая живую силу, вышли к Волге. Таким образом, кольцо окружения было разорвано, это нам облегчило дальнейшее уничтожение немецко-фашистских оккупантов.

Утром 1 февраля был назначен последний штурм северной группы войск немцев. Все мы вышли на исходные рубежи. Сила и мощь последнего удара настолько была сильна, что содрогалась земля, мощные потоки воздуха взметнули огромные массы снега, огненные хвосты реактивных снарядов взбодрили небо и смерчем невиданной силы обрушились на голову притаившегося врага. Залп сотен реактивных минометов возвестил о начале артподготовки. А затем загрохотала, торопливо заговорила минометная и многоголосая наша славная артиллерия. Мы видели, что творилось на позиции врага что-то невиданное и невообразимое. Немцы начали поспешно сдаваться в плен, но не везде. 2 февраля – последний день боя. Сколько радости и горести он нам принес. Одни становились героями, других смерть вырвала из строя. Здесь на нашем участке фронта немало оказалось отошедших сюда к Волге эсесовцев, фанатиков и тупиц, слепо следующих приказам своего фюрера. А город весь на поле. Тут мало что

увидишь. Загнанный в кольцо зверь неистово огрызался. Утром наши штурмовые группы продолжали ликвидировать последние очаги сопротивления. Я уже выше говорил, что по призыву военного Совета армий коммунисты должны были пойти в первых рядах штурмующих групп по уничтожению врага. В нашем дивизионе были созданы две группы по восемь человек, состоявшие из коммунистов, комсомольцев и добровольцев. Желающих набралось немало. Одной группой командовал А. И. Фортов, другой – А. Н. Аникин. Все люди были вооружены автоматами, гранатами Ф-1 «Фенька», саперными лопатами. Был нам отведен участок – северная окраина СТЗ и ближайшие развалины жилых домов. Когда мы очищали заводскую территорию от засевших там гитлеровцев, воочию убедились, какие были нашими советскими войсками нанесены здесь потери немецко-фашистским оккупантам. В ряде подвалов мы обнаруживали немецкие лазареты с тремя-четырьмя ярусами нар с переполненными умирающими и изнуренными от голода фашистами. Мы также натыкались на десятки штабелей из трупов немецких солдат, запорошенных снегом. Гитлеровское командование не находило даже времени хоронить своих солдат. Мы в этот день повытаскивали из нор, подвалов и блиндажей более двухсот немецких солдат. Вы бы посмотрели, что это за жалкое зрелище! Перед нами стояли одичалые получеловеки. Грязные, оборванные, худые, изможденные. Большинство из пленных было полураздето и полуразуто, закутанные в одеяла, либо в шали женщин. Всего здесь было пленено 91000, подобрано и захоронено 140000 гитлеровцев. Таким образом, враг был повержен.

Сталинград, как несокрушимая твердыня на Волге, вошел в летопись Родины. У неприступных стен этого города в годину тяжелых испытаний не раз велись жестокие бои за наше Отечество. И на этот раз в огне Сталинградской битвы советский народ выдержал все и сокрушил ненавистного врага. И наши славные воины в жестоких боях дошли до полной победы над врагом. Мужество и героизм нашего народа отстояли свободу, независимость Родины, и выполнили историческую миссию освобождения многих народов Европы от фашистского рабства.

М. Каргапольцев